

УДК 111.32+1(091)

**СМЫСЛОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ФИЛОСОФСКОЙ
РЕФЛЕКСИИ ФИЛОСОФЕМ НЕФИЛОСОФСКИХ
И ФИЛОСОФСКИХ ТЕКСТОВ***Р.Р. Газетдинова***Аннотация**

В статье анализируется проблема смысловых приоритетов философем в нефилософских и философских текстах. Используя метод противоположных аргументов – невозможность признания семантической истины с анализом контраргументов, когда А просто противопоставляется не А, при которых более общая категория невозможна, обосновывается необходимость представления об «игровой» наполненности философского в нефилософском дискурсе. Делается вывод в пользу философских интерпретаций в рамках радикального переосмысления нефилософского текста.

Ключевые слова: философема, элоквенция, коммуникант, дедуктивное умозаключение, деконструкция.

Отношения философских и иных текстов складываются вокруг фундаментально-стыковых в культуре контекстов с обязательным участием «слова» и «понятия». Междисциплинарное пространство философского и нефилософского с содержащимися в нём аттрактивными представлениями позволяет говорить о неких текстовых конструкциях, закрепляющих философские знания и определяющих эпистемологические тенденции в философии. Подобные тексты из ряда мемуаристики, апологии, исповеди и прочие существуют на стыке литературной и нелитературной форм словесности, в том числе и философской. Ценностный потенциал последней содержит проблематику важнейших аспектов человеческого бытия, представляя философию как род искусства либо само искусство в роли философии.

Таким образом, сохраняя своё предназначение, философские тексты могут быть изложены в художественной форме, и наоборот, художественные произведения способны обладать философским содержанием. При этом всегда чётко выражается образная ткань, сама же философская идея может растворяться в концептуальной схеме философемы¹.

В своё время Жак Деррида, разрушая границы между художественным и философским дискурсами, провозгласил примат литературы, объявив философию «особым литературным жанром» со «специфическим способом организации текста» [1, с. 324]. Можно по-разному относиться к ускользающим от жёсткой

---

¹ Под философемой нами понимается вкрапление в текст философской конструкции некой идеи, играющей в тексте произведения роль художественного средства.

определённости понятиям Деррида, но и признав / не признав его «деконструкцию», мы рискуем быть втянутыми в текстуально-концептуальные игры с перформативными высказываниями, которыми так увлекались постмодернисты. Думается, что философия в литературе – это всё-таки не особый литературный жанр и даже не «своеобразный жанр литературы» [2, с. 7]. Скорее наоборот, такие произведения, как «Посторонний» А. Камю, «Фауст» И.В. Гёте, «Стена» Ж.-П. Сартра и др., по своей проблематике и авторской рефлексии могут быть смело отнесены к философским. Но в таком случае возникают два вопроса. Во-первых, чем заполнены те смысловые рамки, обуславливающие «превращение» нефилософского текста в философский? Во-вторых, существует ли хотя бы теоретическая возможность фиксировать некие признаки определённой общности философского и нефилософского в подобных дискурсах? Такое «расщепление» текстового пространства потенциально загружает интеллектуальной мотивацией поведение исследователя и обуславливает подчинение некой заранее подготовленной модели.

Вернёмся к явлению виртуальной реальности, отметив, что речь идёт о своеобразной самоидентификации философа-исследователя, стоящего перед «выбором решения и оценочного суждения» [3, с. 164]. Данный виртуальный источник проявляется не в тематике и не в образности, а в *мироощущении* субъекта, интерпретирующего текст структурированием модели некоего зрелища. Заметим, что при этом «игровая» составляющая, существуя в онтологическом измерении не только сознания, но и того, *что* осознаётся, обнаруживает себя в текстовом дискурсе *представлениями* хронотопа. В этой связи, рассматривая «текст как аспект пространства, в котором оно может пониматься как текст», мы дополнили «означенную сферу понятиями топохрона и симфоры» [4, с. 38], которые в подобной ситуации выступают своеобразными индикаторами фигур опредмечивания философем.

В подобном ключе попытаемся исследовать философские моменты нефилософского текста. Если в первом случае авторский аналитизм проявляется через систему аргументации, то во втором – автор не *доказывает*, а *рассказывает*, и быть может, даже о том же предмете, но с использованием конкретно-образных представлений. Идея аналитичности в нашем случае согласуется с употреблением термина «аналитический» у Канта, когда суждения определяются смысловой подчинённостью предиката субъекту, в силу чего уже само суждение оказывается истинным по смыслу входящих в него слов. В обсуждение, таким образом, могут вовлекаться понятийные пары: логическое – дескриптивное, аналитическое – синтетическое, внутреннее – внешнее, необходимое – случайное и т. п. С учётом сказанного помыслим философу допущением некой определённости метаязыкового описания условий адекватности, с помощью которых задаётся *возможность аналитичности, перехода* философского в нефилософское, и наоборот. Подобная определённая совсем не исключает *синонимии*, но обязательно наделяет философу ассимилятивным потенциалом, который с точки зрения дедуктивных умозаключений объясняет феномен виртуальной реальности, формируя её в виде выводов из исходных посылок нового суждения. Подчеркнём, что дискурс принимается философом-аналитиком в качестве теоретической и онтологической самоочевидности. С позиции текста

как целого здесь прежде всего важны смысл и семантика. Смысловые приоритеты задаются виртуальной реальностью, которая при таком раскладе «объясняет», декодирует смысл, следуя за ним и демонстрируя в первую очередь даже не сам смысл, а *отношения* артистизма и игры в их философских интерпретациях. Другими словами, через подобные отношения виртуальная реальность начинает присутствовать в осмыслении философом, становясь «осязаемой» в рамках и на основании *затекстовой* связности и цельности. Очевидное сходство местоположений как «игрового», так и «смыслового» в нефилософском/философском пространстве текста провоцирует поиск их понятийной близости. Тот факт, что текст есть «среда, которая, будучи однажды создана, начинает как бы жить своей жизнью» и в ней совершаются «плазменные» смысловые процессы» [5, с. 346], ещё раз доказывает, что автор и исследователь воспринимают с разной степенью осознанности его смысловую бесконечность.

Подобная «осязаемость» смысла задаётся внетекстовой интерпретацией с помощью выхода в виртуальную реальность. Сам же выход в неё осуществляется посредством интеллектуальной игры (театральности). В чём же проявляется обозначенная философема, которая столь характерно культивирует философское чутьё аналитика, а основной элемент виртуальности – игра – «экстраполирует» эти качества на саму процедуру анализа? В череде самых разнообразных определений выделим основное: философская интерпретация – это всегда присутствие логического, интуитивного, *драматического*, *искусственного*, *демонстративного*, *пространственного* и что самое главное – *артистического* и *игрового*. Последние два компонента включают в себя всё предыдущее, присутствуя в философской рефлексии как нефилософских, так и философских текстов. В контексте наших изысканий упомянутый выход в пространство виртуальной реальности позволяет рассмотреть вышеизложенное на примерах своеобразной языковой игры в нефилософской прозе:

Пойду навстречу ей, – сказала Алиса, как бы извиняясь перед цветами.

С ними было, конечно, весело поболтать, но беседа с Королевой наверняка намного интересней. – Если хочешь встретиться, – посоветовала Роза, – иди не к ней, а от неё. Такой явной глупости Алиса и слушать не стала. И, конечно же, пошла напрямик к Королеве. Но, к её изумлению, Королева мгновенно исчезла из виду. А дорожка снова привела Алису к дому [6, с. 38–39].

Бесспорно, что в основе эпизода лежит математический фокус, но автор, играя словами, мастерски доводит художественный тип театральности до фразы, ставшей крылатой: *У нас приходится нестись из последних сил, чтобы лишь удержаться на месте. А уж коли желаешь сдвинуться, то лети в два раза быстрее [6, с. 46].* Казалось бы, мы можем принять во внимание эту разницу между явлением и реальностью, поскольку знаем из физики, что скорость есть первое производное от пути. Но в кэрролловском Зазеркалье физические качества и реальные отношения, задающие положение вещей, существуют идеальными атрибутами увлекательных парадоксов: чем быстрее бежали Алиса и Королева во времени, тем более они оставались на том же месте в пространстве.

По Кэрроллу, чтобы встретиться, нужно идти не *навстречу кому-то*, а прочь *от кого-то*. В этом самозавороженность языковой игры, миг фокуса *убегающего* смысла, некая собирательная общность, сопряжённая с авторской манерой

вольности в изложении. Выразительная функция языка делает смысл способным быть переданным предложением, в котором он *не присутствует*. Применительно к кэрролловской Алисе это – «жить не туда, а обратно», «вспоминать то, чего не знаешь», «смотреть не справа налево, а вокруг», «варенье вчера и завтра, но не сегодня» и т. д. Исследователь оказывается перед фактом, что «образ – это не предмет, а “процесс”» [7, с. 261]. Образ *формируется* через процедуру обозначения положения вещей, через формальные, по Делёзу, *сингулярности* в обозначении этих внутренних отношений, когда с аналитической точки зрения истинность или ложность денотации проявляется обертонами собственно философемы. Например, в речах Алисы и Желтока-Белтока присутствуют не только противоречия в смыслах, вырастающие из абсурдности описываемых ситуаций, но и просвечивающийся *артистизм языковой игры* в *симулякре театральности*, сопряжённой с эстетической функцией языка – делать её присутствие отсутствующим.

Все диалоги персонажей – весьма своеобразный текстовый набор, генерирующий отношения с оттенком абсурда, связанного с перепутыванием событийных контекстов, сознаний и позиций участников. Мы имеем дело с неким порядком понятийных импликаций, где отношения в предложениях, названные Ж. Делёзом *сигнификацией*, предполагают отношения между посылками и заключением. Импликация – знак этих отношений, *игроизация – знак таких импликаций*. Очевидное стремление Желтока-Белтока создать новый подход к знанию сталкивается с проблемой демаркации между его и только его знанием и незнанием. На уровне интуиции, однако, ясно, что оба они эквивалентны. В то же время, поскольку речь идёт о будущих событиях, утверждать однозначно, что суждения персонажа необходимо верны, нельзя. Философское здесь проявляется в том, что абсурд выступает смешением формальных, по Ж. Делёзу, уровней, либо «порочным кругом в дизъюнктивном синтезе» [8, с. 92]. Парадоксы тождества и взаимобратимости полярностей рассуждений Желтока-Белтока не привязаны к традиционно обсуждаемым в логике примерам. Ясно только, что наличие, казалось бы, взаимоисключающих характеристик продиктовано в ответах Алисе категорией делёзовской сигнификации, доказывающей не истину, а *условие истины*. Однако «условия истинности противостоят не лжи, а абсурду, то есть тому, что существует без значения, или тому, что может быть ни истинной, ни ложью» [8, с. 32]. При этом самое главное, «если А просто противопоставляется не А, то никакая более общая категория невозможна» [9, с. 234]. В нашем случае Л. Кэрролл на неформальном уровне даёт описание суждений Желтока-Белтока как пример того, что относительно противоположные вещи могут быть едины.

В риторике Желтока-Белтока отсутствует элоквенция. Общение с Алисой протекает в постоянном процессе агонального высказывания. Как коммуникант он оказывается в сложном положении: он не может лгать, не может говорить правду, он лишь должен что-нибудь говорить. Подобная авторская установка породила особый тип дискурса. Персонаж «комбинирует элементы, которые дискурсивны (логичны, сформулированы из посылок и выводов) и недискурсивны (нелогичны, сформулированы путём ассоциаций, часто визуальных, а не вербальных)» [10, р. 207]. Произошло смещение представления о точности,

о той точности, которая «может быть в самом отражении фактов действительности мыслью и в отражении мысли в слове» [11, с. 252]. Добавим, что речь идёт о неопределённостях как литературных приёмах, как фигурах фикции. При этом «глубина» прочтения текста не обязательно сопряжена с его логическим анализом и может зависеть от эмоциональной составляющей, а не от степени развитости его интеллекта.

Рассмотрим смысловые приоритеты философской рефлексии философом собственно философских текстов. Подчеркнём, что философское выступает экзистенциальной характеристикой, в соответствии с которой выявляется *лично значимая* для исследователя самоочевидность истинности. При этом исследователь мыслится нами изначально субъектом, обладающим своеобразной «онтологической интуицией», с помощью которой его первичный опыт «вскрывает» любой текст либо в виде некой феноменологической очевидности, либо в виде символики конвенциональных знаков, произвольно выбранных для обозначения.

Таким образом, философское удостоверяется в первую очередь «философской» интуицией, которая в традиционном понимании присуща исходному, самоценному, подлинному чувству. Получается, что интуиция, а речь идёт не об интеллектуальной, а чувственной интуиции как способе непосредственного усмотрения предмета познания, его свойств и отношений, – это те же знания, хотя напрямую они не опосредованы органами чувств или логическими выводами. При этом возникает вопрос об аргументации философской рефлексии уже в философских текстах. Если аргументированность предполагает развёрнутость изложения, то в таком видении, судя по всему, продуктивнее рассмотреть примеры из конкретных философских работ. Обратимся к «Бытию и времени» Мартина Хайдеггера.

В строгом смысле «Бытие и время» нельзя признать фундаментальной онтологией. Думается, что аналитика Dasein лишь преддверие некой разработки в интерпретации понимания бытия, смысл которого определяется поиском результата в логико-семантической *теории значения*. Если Бытие предполагает смысл бытия особого сущего, которое есть *мы все*, то способы бытия этого сущего (Dasein) в авторской интерпретации названы экзистенциалами. Ключевой экзистенциал – бытие-в-мире. Очевидно, с этого момента и должна начинаться процедура аргументации *понимания*, то есть начинаться собственно философия изложения доказательств философеми с помощью инструментария аналитика-исследователя. Получается, что в рамках поднятой проблемы необходимо прежде всего ответить на вопросы: прибегал ли автор к аргументации и свойственна ли его стилю философствования доказательность?

Идеи М. Хайдеггера тесно связаны с первичным способом отношения Dasein к сущему внутри мира. Сам способ он называет *озабочением*, объясняя его смысл «*многосложностью способов бытия-в*» с последующим перечислением и «*подробными характеристиками*» «*бытийного образа озабочения*» [12, с. 56]. Разные виды озабочения называются при этом средством, а способ бытия средства – *подручностью*. Бытие-в не просто некое наличное свойство субъекта или мира, которое может иметь место, а может и не иметь. Бытие-в – сущностное свойство самого Dasein.

Проанализируем следующий фрагмент из текста: *Характер бытия подручного есть имение-дела. В имении-дела лежит: допустить иметь дело, которое в чем-то, с чем-то. Отношение «в чем... с чем...» должен означать термин «отсылание»* [12, с. 84]. Итак, возникла проблема объяснения, не разрешив которой двигаться дальше нельзя. Ищем посылку, которая является законом. Выражение *Характер бытия подручного есть имение-дела* есть общее суждение. Остальные выражения являются фактическими суждениями. Их специфика такова, что, судя по содержанию, они выступают знаками, отсылающими к *основе* «через посредство своего объекта или общих признаков этих объектов» [13, с. 301], приобретая, по существу, свойства *интерпретанта*. Получается, что, с одной стороны, любая посылка – это объясняющее суждение, с другой – должно быть *объясняемое* суждение в роли заключения. Последнее суждение должно допускать проверку выполнимости, ибо предполагается, что оно истинно. Однако М. Хайдеггер *не объясняет действий*. Его выводы не обязательно следуют из посылок. Хайдеггеровское заключение выводимо уже потому, что нет препятствий к достижению цели. Так, большая посылка говорит о некоторой цели («имение-дела»). Фактическими суждениями описываются способы достижения цели («иметь дело, которое в чём-то, с чем-то»). Заключение описывает действие, ведущее к цели. Мы столкнулись с так называемым практическим силлогизмом, структура которого почти аналогична структуре доказательного силлогизма.

Фрагмент хайдеггеровского текста не адекватен для описания случайного и вероятностного явлений, поэтому стиль изложения его аргументации однозначно *философский*. Более того, поскольку речь идёт о «подручности», мы получили даже возможность иметь некое интерпретирующее множество гипотез, которые соответствуют сущему («подручному»), где способы его бытия есть «дело», в котором «подручное» служит средством. Складывается схема, указывающая на способ бытия не только сущего, выступающего интерпретантом в ней, но и *Dasein*, со *значимостью*, в которой *Dasein* *уже есть*. Поскольку бытие *Dasein* соответствует «подручности», «озабочению», то рассмотренный фрагмент описывает в принципе «озабочение» как способ бытия *Dasein*. Однако, если *Dasein*, по утверждению философа, «убегает к вещам», не означает ли это, что и «несобственный» модус бытия *Dasein* (*das Man*) не обладает «наброском»? Аргументы с современных позиций кажутся несколько неожиданными:

Понимание – набрасывание... некоторой возможности;

Набрасывание некоторой возможности – набросок;

Набросок – некоторая возможность удерживаться;

Значит понимание наброска – возможность удерживаться.

Тот факт, что существует несомненная семантическая связь между указанными терминами, мало что проясняет. В контексте наших рассуждений бесмысленно говорить об определённости или вероятности того, что здесь утверждает М. Хайдеггер, поскольку для этого нет теоретических оснований, способных гарантировать истинность заключения. На первый взгляд, само понимание идентично понятию «наброска», но это всего лишь одно из допущений значения переменных в терминах наброска. Для того чтобы описать сам набросок, необходимо расширить значимость объяснения. Но как при этом

эксплицировать самого М. Хайдеггера, не рискуя оказаться обвинённым в фальсификационизме, ибо эксперименты с Dasein на Хайдеггере и закончились?

Итак, смысловые приоритеты философской рефлексии – это нечто большее, чем семантическая корректность философского/нефилософского текста. Философское существует в возможности философемы. Сама же философема, обладая прагмаэстетическими свойствами, оказалась тем языковым средством философского дискурса, выявление которого связано с особенностями *убеждения как формы воздействия*. Подобная возможность – это всегда «Другой». В нефилософских текстах «Другой» есть Образ, в философских – некая Идея. Рассмотренные примеры демонстрируют установление тождества между первым и вторым. Как выяснилось, даже упрощённый анализ философем в философском тексте требует постоянных уточнений интерпретаций данных смысловых приоритетов. Философское в нефилософских текстах есть факт языковой игры с прецедентами. Философское же в философском дискурсе устанавливается философско-языковым видением мира и ситуации.

Summary

R.R. Tazetdinova. Conceptual Features of Philosophical Reflection of Philosophemes in Philosophical and Non-Philosophical Texts.

The article deals with the conceptual features of philosophemes in non-philosophical and philosophical texts. We use the method of opposite arguments, according to which it is impossible to recognize semantic truth in analyzing counter-arguments, when A is simply opposed to non-A and the possibility of a more general category is eliminated. With this method we prove the need for an idea of the "game" content of the philosophical in non-philosophical discourse. We make a conclusion in favor of the philosophical interpretations within the radical reconsideration of a non-philosophical text.

Key words: philosopheme, eloquence, communicant, deductive inference, deconstruction.

Литература

1. *Деррида Ж.* О грамматики. – М.: Ad Marginem, 2000. – 511 с.
2. *Курашов В.И.* Начала философии науки. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 516 с.
3. *Меньчиков Г.П.* Неосознаваемое как ценность духовной культуры человека. – Казань: Таглимат, 2006. – 316 с.
4. *Тазетдинова Р.Р.* К вопросу о хромотопичности художественного пространства-времени // Вестник ВятГГУ. Сер. Философия и социология. – 2010. – № 3 (4). – С. 33–39.
5. *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. – М.: Нов. лит. обозр., 1996. – 351 с.
6. *Кэрролл Л.* Алиса в Зазеркалье. – М.: АСТ: Астрель, 2009. – 220 с.
7. *Делёз Ж.* Опустошённый // Беккет С. В ожидании Годо. – М.: ГИТИС, 1998. – С. 251–282.
8. *Делёз Ж.* Логика смысла. – М.; Екатеринбург: Раритет; Деловая книга, 1998. – 473 с.
9. *Рябов М.* Проблема отрицания с логической и содержательной точек зрения (постановка проблемы) // Метафилософия или философская рефлексия в пространстве традиций и новаций: Междунар. чтения по теории, истории и философии культуры. – СПб.: Эйдос, 1997. – Вып. 4. – С. 221–242.
10. *Campbell K.K.* The Rhetorical Act. – Belmont: Wadsworth Publ. Co., 1982. – 403 p.

11. *Валгина Н.С.* Теория текста. – М.: Логос, 2004. – 280 с.
12. *Хайдеггер М.* Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997. – 451 с.
13. *Эко У.* Роль читателя: Исследования по семиотике текста. – СПб.; М.: Симпозиум; Изд-во РГГУ, 2007. – 502 с.
14. *Хайдеггер М.* Основные проблемы феноменологии. – СПб.: Высш. религ.-филос. шк., 2001. – 454 с.

Поступила в редакцию
19.08.11

Тазетдинова Руфина Ринатовна – кандидат философских наук, доцент кафедры режиссуры и актерского мастерства Казанского государственного университета культуры и искусств.

E-mail: ruffina7@yandex.ru